

Мы вышли с разгрузки уже под вечер. Серёга стоял у ворот пилорамы и рукой отряхивал спортивные штаны от пыли. Потом, отряхнув, он выпрямился, смачно харкнул себе под ноги и сказал:

— Погода — дерьмо.

Я кивнул, закончил отряхиваться и устало стоял, уставившись в небо, серое и дождливое. Было ещё светло. Из-за дождя все штаны у меня были в грязи, а на кроссовках выросла вторая подошва из комков глины. Говорить не хотелось. Руки и спина ныли. Дождь усилился. Серёга отошёл под крышу, сел на корточки и закурил.

— Дай сигарету.

Серёга поднял голову, посмотрел на меня недовольно, потом протянул пачку красного «Максима». Я примостился рядом и щёлкнул зажигалкой.

— Ну и дрянь.

— Ну извини, — пробурчал Серёга.

Пока мы курили, из одноэтажного жёлтого здания, похожего на ангар, вышел завкладом Андрей и по грязи трусцой побежал к нам, пряча голову под натянутой на затылок курткой.

— Нате, пацаны, по косарю сегодня, — он протянул по купюре каждому.

— Ага... — промышчал Серёга, убирая деньги в карман, — завтра чё, во сколько?

— Давайте в восемь. Больше будет.

— А по деньгам чё?

— Ну, где-то полтора.

— Ништяк.

Серёга встал, выплюнул окурок на землю, он упал в лужу и погас. Я тоже встал.

— Ну всё тогда. Давайте, пацаны, спасибо.

Мы пожали руки и пошли в сторону ржавых ворот складского комплекса. Я накинул капюшон. Ноги утопали в грязи, и когда мы вышли со складов на асфальтированную улицу, то несколько минут обтирали подошвы о дорогу и бордюры, а потом обмывали в луже.

— Пошли в «Кружку»? — спросил Серёга.

— Айда.

На улицах никого не было. Обычно, когда мы возвращались, всегда вокруг кишели толпы народа. Мамы с детьми, школьники, вышедшие на каникулы. Бабушки торговали зеленью. Сейчас, из-за дождя, улица будто вымерла. Только машины

изредка проносились мимо, орошая грязными брызгами тротуары.

Серёга в такие моменты неизменно выругивался:

— Сука, олень!

Мы медленно ковьяляли по узкой пешеходной дорожке. Не знаю, как Серёга, а я сильно устал и идти было тяжело. Как-то даже лень. Хотелось сесть на лавочке, закурить и долго-долго смотреть куда-нибудь в стену. Ещё страшно хотелось есть. Серёга, словно читая мои мысли, сказал:

— Так жрать хочу.

— Ага.

Пока мы шли, я постоянно останавливался на несколько секунд и поправлял штанину своих спортивных брюк. Проклятые три полоски вечно сползали на заднюю сторону икры, хотя должны были быть сбоку. Смотрелось это уродски и я уже сто раз проклинал того узбека, у которого их покупал. Я давно хотел их обрезать на шорты или вообще выкинуть, но тогда у меня остались бы только джинсы и шорты. Работать было бы не в чем, приходилось вот так каждые пять минут останавливаться и оттягивать эти полоски на бок. Когда я в очередной раз остановился, Серёга вдруг повернулся и сказал:

— Да ты задолбал. Чё ты как этот. Никто на тебя не смотрит. Как тёлка.

— Иди в ж..у.

— Пошли быстрее.

«Кружка» — самая дешёвая в округе пивная, редко пустовала. Когда мы только подходили к девятиэтажке, на первом этаже которой, к недовольству всех местных жителей, зияли вечно открытые двери пивной, то уже слышали дурную музыку и пьяную ругать. Вход в «Кружку» был с торца дома. Подходя, Серёга полукивнул сидящим в чёрной десятке с логотипом ЧОПа охранникам. Они всегда тут стояли, чтобы разнимать драки до приезда ментов, которые всё равно приезжали, если в округе кого-нибудь грабили или били.

«Кружка» была небольшим заведением. Сразу напротив двери, метров через пять, стояла небольшая барная стойка, за которой, меняясь, сидели либо старая и некрасивая Катя, либо молодая и всё равно некрасивая Инна. Влево и вправо от двери были понатыканы пластиковые столики, которыми был не занят только узенький коридорчик от двери к кранам. Самые хорошие места были справа и слева от стойки. Там всегда было полутемно, вокруг никто не ходил, никто там тебя не видел и для того, чтобы попросить добавки, не нужно было вставать со стула — до стойки можно дотянуться рукой. Эти-то столы и были заняты какими-то алкашами, когда мы подошли к стойке и разглядели их.

— Инна, привет. Дай мне чешское одно и солёных орешков — сказал Серёга.

— А тебе? — Инна недовольно

посмотрела на меня. Она носила розовую майку, которая обтягивала начинающие обвисать груди.

— Немецкое и сухари.

— С тебя 90, — сказала она Серёге, потом поставила стакан с тёмным на стойку и обратилась ко мне: — с тебя 60.

Мы расплатились и сели у левого окна, оттуда была видна проезжая узкая улочка и вереницы домиков. Эта девятиэтажка, в которой была пивнушка, была редкостью для этого района. В основном здесь были пятиэтажные панельные дома и бывшие общаги, или ещё сталинские двухэтажные бараки. Девятиэтажка была квадратной, недлинной, всего в два подъезда, поэтому её называли «свечкой».

Я буквально упал на пластиковый стул, тот ощутимо подпружинил подо мной. Я сделал большой глоток пива. Холодная жидкость скатилась по пищеводу в желудок, разливая приятную прохладу. Инна поставила на стол пепельницу. Я закурил и, провожая её взглядом, смотрел на разжиревшие ноги с проступающими синими венами. Помню, когда я первый раз пришёл в «Кружку», было как-то не по себе. Кислый запах разлитого пива и духота не создавали уюта. Так мне тогда казалось. Но это было совсем давно, ещё до армии. Потом как-то потихоньку привык, втянулся.

Мы быстро пригубили по первой кружке и взяли ещё по одной. Время подходило к шести.

С интервалом в несколько минут заходили усталые мужики с мешками под глазами, брали себе две или три бутылки разливного и уходили домой, к жёнам и детям. У меня жены не было, поэтому я никуда не торопился.

Допив вторую, я сходил за третьей, купил сигарет и, вернувшись, закурил, уставившись в окно. На светофоре загорелся красный. Две бабушки неторопливо поползли через дорогу. У перехода стоял шикарный чёрный «лексус». В этом районе редко можно увидеть такую машину. Я подумал, что, наверно, едут куда-то за город. За рулём сидела молодая рыжая девушка лет двадцати. На пассажирском сиденье был молодой паренёк в пиджаке, с какой-то модной стрижкой. Он что-то оживлённо рассказывал девушке, та смеялась, красиво так, аккуратно. Не как Инна. Та, когда смеялась, показывала всем ряды кривых подгнивших и пожелтевших от курева зубов. У этой, рыженькой, зубы были в порядке. Она вообще была какой-то маленькой, аккуратненькой, ухоженной, счастливой. Я посмотрел на парня. Он тоже казался аккуратным и ухоженным. Я подумал с какой-то завистью, что хорошо, наверно, ходить в костюме, ездить на «лексусе» с такой красивой девушкой куда-нибудь за город, развлекаться с такими же друзьями, пить дорогое пиво. Интересно, он её парень, друг или брат?

— Санёк, чё там? — вдруг хрипло спросил Серёга.

— Вон, — я кивнул головой в сторону машины, — такие молодые, а уже на «лексусе».

— Да, мрази, — желчно процедил Серёга, — мажоры, суки. Я вот тебе отвечаю, они ни дня не проработали. Батя всё купил, который в девяностые понахапал советского добра. Они все такие.

— Ага, — я вяло кивнул.

«Лексус» тронулся, смеющаяся девочка и аккуратный парень в пиджаке уехали по своим аккуратным делам. Я поправил штанину, натянув сползшие полоски обратно.

Серёга был социалистом. Он постоянно грезил о СССР, в котором прожил всего несколько лет и из тех, понятно, ничего не помнил. Хотя самому Серёге казалось, что он сильно старше своего возраста. Поэтому он вечно вспоминал, как всё было раньше. В «Кружке», к слову, эта тема вообще никогда не теряла актуальности. Железное правило: не о чем поговорить — вспоминай СССР и ругай буржуев. Как-то в канун выборов мы курили с соседом на лестничной клетке. Сосед у меня был студент. Он сказал, что за коммунистов голосуют нищие, потому что в Союзе они хоть что-то значили, потому что рабочие профессии были в почёте. То есть государство уважало этих людей, а сильно богатых особо не было. По крайней мере, «лексус» на улице встретить было нельзя. Они, бедные, чувствовали за собой какую-то силу и признание себя. А сейчас, мол, этого нет.

Как хотите, так выкручивайтесь. А потом студент добавил, что коммунисты знают об этом и поэтому делают ставку на рабочих, на бедных. Их много. Они за них голосуют. А им и хорошо, на депутатской пайке в 400 тысяч в месяц.

— А вообще, все партии — говно. И страна эта всегда была нищей, и всегда такой будет, — заключил тогда студент.

— Ну да.

— Вот. Так что, голосуй не голосуй, всё равно получишь...

— А я и не голосую.

Мы иногда болтали с тем студентом. Потом он переехал. Иногда он рассказывал мне какие-нибудь интересные вещи из истории. Про войну, Сталина. Он учился на истфаке. Тоже, кстати, иногда носил пиджак. Умный пацан.

Мы допили с Серёгой пиво и пошли по домам. Особо напиваться сегодня нельзя. По дороге я купил пельменей. Пока шёл из продуктового к своей пятиэтажной общаге, я всё думал про тех ребят из «лексуса». Вот как они так? Откуда они его взяли? Чем больше думал, тем сильнее завидовал. Когда я зашёл в свою общагу и снова упёрся взглядом в обшарпанные стены, харчки на полу и кожурки от семечек, то расстроился совсем. На лестничной клетке знакомые пацаны курили и пили джин-тоник.

— Санёк, чё такой хмурый?

— Да голова болит.

— На, выпей, чё ты, — протянул мне бутылку Никита, семнадцатилетний парень. Он учился в шараге на газовщика.

Я отказался и пошёл домой. Поев, завалился на диван и смотрел хоккей. Та рыжая девушка то и дело вспоминалась. У меня девушки не было уже года полтора. В двадцать три уже пора вставать на ноги, а не работать грузчиком на пилораме. Хотя я обычно зарабатывал в месяц тысяч пятнадцать. Правда, половину отдавал за квартиру. Иногда я думал, что нужно вернуться к родителям в Верхнеуральск. Но там из работы только магазины да посевная. Я думал о том, чтобы вернуться, уже года два, но так и не возвращался, работая то тут, то там. Золотое время было прошлым летом, мы тогда работали на частной стройке. Я думал отучиться на права, но стройку прикрыли через два месяца. Скопленную пятнашку я проедал, пока не устроился по-новой. От этих мыслей стало совсем тошно. Я вышел в подъезд, выпить с Никитой, но они уже разошлись. Расстроенным я вернулся домой и уснул под хоккей.

На следующий день мы отработали на полторы тысячи. В четверг на 800 рублей. В пятницу на тысячу. Всё время, что мы работали, я то и дело думал о деньгах, достатке. Как и все, я решил, что если стану богатым, куплю маме то, что она хочет: духи, платье, серьги золотые. Путёвку на море.

Они были только в Крыму, и то тридцать лет назад. Машину куплю себе. В своих мечтах я руководил нефтеперерабатывающим заводом, строил дома. Да кем угодно, лишь бы деньги были, чтобы также ездить на «лексусе» с красивой девочкой, сидеть не в пивнухе, а в пабе. Отдыхать не на пляже местного водохранилища, а на море. Жить нормально. В такие моменты я злился сам на себя и поправлял эту штанину, думая, насколько уродски выгляжу. В Интернете стал искать другое рабочее место. Уж что-то, а работать я умел. Я этим с детства занимался. Даже вместо детства. И, однако, я никогда не задумывался о том, что есть правила написания резюме, тактики собеседования, правила внешнего вида. Весь вечер четверга просидел за компом и просматривал одно за одним объявления о работе. Я подумал, что мог бы устроиться менеджером в магазин бытовой техники. «Перспектива карьерного роста» — гласило объявление. Отправил несколько резюме в «Эльдорадо» и «М-Видео». На всякий случай отправил в «Посуда-центр» и «Метро». В пятницу мне позвонили из «Посуда-центра» и пригласили на собеседование. Не самое лучшее рабочее место, думал я, но всё же. Зарплата от 15 до 20 тысяч плюс процент от продаж, карьерный рост. Это всё равно лучше, чем сейчас. К тому же наконец-то будет повод выбираться из этой части города.

Я подумал, что на собеседование надо идти в хорошей одежде. Идеально было бы выглядеть, как тот парень из машины. Солидно и аккуратно. Весь вечер я просидел в Интернете в поисках рекомендации по одежде для собеседования. «И, конечно, не вздумайте даже прийти на собеседование в тришкахабибас, даже если вы устраиваетесь на склад. Помните, когда вы идёте на склад, мыслите вы себя уже завскладом. Надо быть солидным всегда, тогда и люди в это поверят» — писал на форуме какой-то специалист. Я взглянул на штаны, которые висели на стуле и грустно улыбнулся.

В субботу надел чистые джинсы, футболку, туфли, взял деньги и вышел на улицу. Погода стояла ясная, но не жаркая. Я решил пойти купить рубашку и какой-нибудь пиджак. Разочаровался довольно быстро. В магазинах одежды рубашки стоили от восьмиста рублей. Пиджаки и того дороже. Облазив несколько, я понял, что так они стоят везде. Даже в комиссионке они оказались немислимо дорогими. Продавщицы уверяли, что у них дешевле всего. Ехать в центр, где магазинов больше, мне не хотелось. Я подумал, что там совсем дорого. На рынок, после этих проклятых штанов, тоже. По дороге домой я, оббежав весь район, все магазины и один торговый дом, был в растерянности и каком-то отчаянии. Вдруг внезапно вспомнил, как Серёга

рассказывал мне про секонд-хенды, где он частенько берёт себе по дешёвке хорошие вещи. Решил зайти в первый попавшийся, благо, в нашем районе их хватало. Я подумал, что тут принцип такой же, как у коммунистов.

Спустился в полуподвал магазина. Запахло стиральным порошком, в глаза ударил яркий электрический свет. В небольшом помещении за партой в углу сидела бабушка и читала газету. По периметру комнаты на вешалках были развешаны самые разные вещи. Я поздоровался и, поймав взглядом пиджаки, направился к ним.

Как только бабуля заметила, что я иду к пиджакам, она вскочила с места.

— Знаете, нам такие хорошие пиджаки привезли, вот этот вот, посмотрите, прям на вас, — она сняла с вешалки серый пиджак, потом, постояв немного, ещё два синих.

Я долго ошивался у стойки с пиджаками. Внутренне мне было даже слегка стыдно, так, как будто меня уличили в каком-то проступке. Будто как в детстве, когда папа с мамой отворачивались, я перелистывал картинки порнографических фильмов в салоне аренды видеокассет. Долго выбирая, в итоге взял синий пиджак, с виду почти не ношенный, за триста рублей и белую рубашку за двести пятьдесят и быстро вышел из магазина. Придя домой, решил примерить обновки. От них сильно пахло стиральным

порошком. Я погладил рубашку и, пока орудовал утюгом, нашёл небольшую дырочку у воротника. Сначала немного огорчился, но подумал, что её, в общем, не видно.

Закончив приготовления, я надел джинсы, туфли, рубашку, пиджак и подошёл к небольшому зеркалу, которое висело у меня в маленькой душевой, совмещённой с туалетом. Я выглядел по-уродски. Ничего общего между мной и пареньком в иномарке не было. Я смотрел на свою нелепую причёску, по которой сразу было понятно, что я не хожу в парикмахерскую, а просто стригусь наголо раз в два месяца. На руки. Исцарапанные, с кривыми пальцами, уродские. Зубы. Лицо, в шрамах от драк. Кривой нос. Пивной живот. Протёртые джинсы. Туфли. Убого. Всё это было так невыносимо убого, что мне стало так не по себе, стыдно, грустно. Я пытался вспомнить, видел ли я когда-нибудь своего отца в костюме. Видел. Один раз. На свадебной фотографии. В остальное время на нём был рабочий комбинезон крановщика. Он ему шёл. И мне тоже. В нём я не выглядел уродом. А сейчас, в этом костюме, смешном, дешёвом, поношенном, я выглядел смешно и нелепо. Рукава были немного коротковаты. Рубашка сидела нелепо, торчал живот. Пиджак, застёгнутый на все пуговицы, смотрелся откровенно плохо, расстёгнутый тоже. Если бы сейчас директор этого «Посуда-центра» увидел меня, то сразу опознал бы

во мне простого грузчика с пи́лорамы, который пытается занять не своё место. Может быть, мне на роду написано? Пить пиво по вечерам, ездить на автобусе, голосовать за коммунистов. Каждому своё. Ей, рыженькой, — «лексус» и слащавого мальчика, мне — пи́лораму, «пазик» и «Кружку». Я злился. Пока я разгружал брёвна, носил шлакоблоки, топтал плац в части под Смоленском, что этой рыжей, что её другу, папа купил машину. Дорогой костюм купил. Одеколон. А я поношенный купил. И одеколон у меня дешёвый. И, иногда, когда забываю постирать носки, приходится ходить в грязных, чувствуя этот блевотный запах. Вот и вся разница. Кто вы, кто я. Вот и всё.

Всю субботу я, как баба, вертелся перед зеркалом, пытаюсь увидеть в себе хоть какое-то подобие солидного человека. К вечеру меня это настолько задрало, что я швырнул пиджак и рубашку в угол, взял немного из денег, отложенных на квартиру и купил себе пива. Всю ночь, полупьяный, проиграл в контру.

В воскресенье опять надел пиджак и уже трезво и спокойно убедился, что каждому в этой жизни есть своё определённое место, своя одежда, ниша. Я не рождён для «лексусов» и пиджаков. И нечего пытаться даже выползти за рамки своего ареала обитания. Это выглядит нелепо. Как накрашенная четырёхлетняя девочка. Как мальчик на каблуках. Каждому своё. Мне — пи́лорама.

Вечером я отдал пиджак Никите. Рубашку он не взял. Сказал, мол, зачем ему рваная.

В понедельник надел свои тришки и пошёл на пи́лораму, уже не поправляя сползшие полосы. Работы было много. Мы закончили только в семь. Нам дали по полторы. Во вторник и среду работы не будет — поставок не предвидится. Только в четверг.

— На два дня забухать можно, — усмехнулся Серёга.

Пошёл дождь.

— В «Кружку»? — спросил я его.

— Айда, чё, пропьём получку, чё мы как не люди.

Мы шли по улице. Людей не было. Серёга поругивался на машины. В «Кружке» я от какой-то тупой злобы, зависти, отчаянья, надрался так, как давно не напивался. Меня начало мутить. Серёга вывел меня на улицу подышать. Мы сели на корточке у стены дома, лицом к проезжей части. Я закурил крепкий «Максим», который, сам не знаю зачем, специально купил, хотя деньги были. По улице медленно проехала белая «ауди», за рулём сидел парень лет двадцати пяти, в костюме. Он говорил с кем-то по телефону.

— Мрази, — кивнул я головой в сторону машины.

— Суки, — поправил меня Серёга, — буржуйские суки.

Я кивнул в знак согласия, докурил и зло затушил огонёк плевком.